

Научная статья
УДК 82.091+1(091)
doi: 10.17223/24099554/22/12

«Карфаген современности». Образ Америки в цивилизационной концепции В.И. Ламанского

Алексей Валерьевич Малинов^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} a.v.malinov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды на Америку отечественного слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). В качестве источников используются основные монографии ученого: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859), «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (1871), «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Отмечается, что образ Америки формировался в рамках цивилизационной концепции В.И. Ламанского, согласно которой европейская история и политика являются отражением векового антагонизма двух цивилизационных миров: греко-славянского и романо-германского. Указываются особенности ментального образа и стереотипы восприятия Америки, распространенные в русском обществе XIX века, которые производил В.И. Ламанский.

Ключевые слова: В.И. Ламанский, Америка, образ, славянофильство, историософия, цивилизации, антагонизм

Источник финансирования: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Для цитирования: Малинов А.В. «Карфаген современности». Образ Америки в цивилизационной концепции В.И. Ламанского // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 202–219. doi: 10.17223/24099554/22/12

Original article

doi: 10.17223/24099554/22/12

“Carthage of Modernity”. The image of America in Vladimir Lamansky’s civilization concept

Alexey V. Malinov^{1, 2}

¹ St Petersburg University, St. Petersburg, Russian Federation

² HSE University, St. Petersburg, Russian Federation

^{1, 2} a.v.malinov@gmail.com

Abstract. The views on America of the Russian Slavist Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914) are considered. The main monographs of the scholar are used as sources: *On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain* (1859), *On the Study of the Greco-Slavic World in Europe* (1871), *Three Worlds of the Asian-European Continent* (1892). Lamansky’s point of view largely coincides with views on America of other Slavophiles – Ivan Kireyevsky and Nikoay Danilevsky. Late Slavophiles pointed to the confrontational nature of mutual relations between Europe and Russia, which in many ways also applied to America that was perceived as a continuation of European or Romano-Germanic civilisation. It is noted that the image of America was formed within Lamansky’s concept of civilisation, according to which European history and politics are a reflection of the age-old antagonism between two civilisational worlds: the Greco-Slavic and the Romano-Germanic. However, Lamansky corrects the Slavophile assessments of America, believing that within the Western world it is possible to distinguish the Anglo-Saxon world (the British Empire and the North American Republic). Slavophiles regarded Russia and America as civilisations to which the future belonged. Lamansky also reproduced the widespread belief in Russian society (Herzen, Kireyevsky) that the centre of the Western world was moving to North America. He linked this displacement to the principle of Translatio Imperii, since Russia and the USA both claimed to realise the imperial idea. The peculiarity of the Slavophile approach was the appeal to the biological metaphor of age, according to which Europe was the world of the present, while America and Russia, as young cultural and historical entities, belonged to the future. Lamansky believed that the dominance of the Western world passing to America could lead to a reduction in tensions between the Greco-Slavic and Romano-Germanic worlds, since relations between America and Russia were free of the contradictions that divided Russia and Europe. The specific aspects of the mental image and the stereotypes of the perception of America, which were widespread in the Russian society of the 19th century and which Lamansky reproduced, are pointed out: the idea of America as a

country dominated by a mercantile spirit, egoism, and the pursuit of profit; external forms of unity and social life prevail in America; the lack of a unified nationality does not allow the development of a rich literature and a creatively fruitful culture in America.

Keywords: Vladimir Lamansky, America, image, Slavophilism, historiography, civilisations, antagonism.

Financial Support: The research was carried out within the framework of the Fundamental Research Programme of the National Research University Higher School of Economics in 2024.

For citation: Malinov, A.V. (2024) “Carthage of Modernity”. The image of America in Vladimir Lamansky’s civilization concept. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 22. pp. 202–219. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/22/12

Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostracism; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами.

А.С. Пушкин. «Джон Теннер»

Сравнение Америки с Карфагеном принадлежит чуткому и литературно одаренному русскому мыслителю К.Н. Леонтьеву. В своем главном философском произведении «Византизм и славянство» (1875) он писал: «Соединенные Штаты – это Карфаген современности. Цивилизация старая, халдейская, в упрощенном республиканском виде на новой почве в девственной земле» [1. С. 99]. Петербургский

славист Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) далеко не во всем разделял взгляды К.Н. Леонтьева, особенно их религиозные экспликации. Однако есть основания полагать, что их знакомство в 1864 г. в Константинополе существенно повлияло на историософский кругозор неискушенного дипломата и писателя. После бесед с Ламанским на берегу Босфора К.Н. Леонтьев начинает писать о византизме [2].

Из крупных отечественных литераторов и мыслителей едва ли кто посещал Северную Америку. Тем не менее ее образ присутствует в русской культуре и философии XIX в. Чаще всего современные исследователи, реконструируя образ Америки в русской литературе, обращаются к романам и публицистике Ф.М. Достоевского, реже – Л.Н. Толстого и В.Г. Короленко. Конечно, в то время взгляды русских философов, укоряющие или ожидающие, были обращены к Европе. Славянофилы, к которым причислял себя Ламанский, по-разному оценивали старую Европу. Если ранние славянофилы усматривали общие христианские истоки европейской и русской культуры, полагали, что России предстоит сохранить эти начала, приходящие в забвение в Старом Свете, то поздние славянофилы уже отмечали противоречия двух культурных миров, акцентировали враждебное отношение Европы к России. Славянофильские убеждения Ламанского формировались в пору его обучения в университете, которые совпали с Крымской войной. Унизительное поражение, очевидная бездарность власти, оторванной от народных корней, героизм защитников Севастополя по логике компенсации перерастали в ожидание великого будущего страны, которое сулили либеральные реформы начала александровского царствования. Наглядность того факта, что объединение Европы оказалось не антитурецким, а антирусским, не только усиливало разочарование в Европе, но и приводило к осознанию ее враждебности России. Дневники Ламанского тех лет хорошо показывают генезис его мировоззрения, которое позднее и полнее раскрылось в его учении о трех цивилизационных мирах. Впоследствии, признавая изначальное единство «арийско-христианского человечества», он все же подчеркивал антагонистический характер отношений романо-германского и греко-славянского миров, прослеживая их на протяжении тысячелетнего исторического периода.

Для славянофилов Америка долгое время находилась на периферии их историософских построений. И хотя знакомство с Северо-

Американскими колониями началось еще в XVIII в., достоверные сведения о них, а тем более личный опыт были в явном дефиците. История Британской империи давала больше материала для философии истории. Лидер славянофилов А.С. Хомяков, как известно, был англоманом. Историческое прочтение исторической судьбы Великобритании он предложил в стихотворении «Остров» (1836), пророчески указывая на причины будущего падения колониальной империи:

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебе мирская слава
Выше божьева суда;
Но за то, что церковь божью
Святотатственной рукой
Приковала ты к подножью
Власти суетной, земной...

Англию славянофилы знали лучше, ценили больше, вынужденно считаясь с ее силой и презирая те начала, которыми руководствовалась британская политика и дипломатия. Своеобразным связующим звеном двух империй и «внештатным» дипломатом была сестра известного славянофильского публициста генерала А.А. Киреева О.А. Новикова [3]. В Америке своего резидента славянофилы не имели, поэтому разделяли те представления, которые были распространены в русском обществе. Америка прежде всего ассоциировалась с Северо-Американскими штатами, которые воспринимались в качестве огромной территории, редко населенной дикими племенами и привлекающей именно как пространство свободы. В то же время европейские переселенцы принесли на Северо-Американский континент материальную культуру Европы, не отягощенную ее духовными плодами. Америка стала страной, в которой процветают торгашеский дух, эгоизм, стремление к выгоде и материальному комфорту. В Америке видели, прежде всего, развитие внешних форм жизни. Определенная параллель напрашивалась между рабством в Америке и крепостным правом в России, убежденными противниками которого были славянофилы. Русские владения в Америке, казалось бы, приближали далекий континент к России, подталкивая к тому, чтобы воспринимать американские события почти как внутреннее дело России.

Однако большее знакомство с Америкой порождало и большее разочарование. Можно вспомнить сибирских областников, в своих ранних мечтах видевших в Америке пример материального благополучия и политического процветания, доступного и Сибири после освобождения от колониального статуса. С.С. Шашков в исторических исследованиях и журнальных компиляциях обличал не только рабство в Сибири и систему ее колониальной администрации, но и управленческую практику Русско-Американской компании. Поездка Н.М. Ядринцева на Всемирную выставку в Чикаго в 1893 г. предсказуемо разочаровала утомленного и надломленного к тому времени областника. К сожалению, Н.М. Ядринцев не смог опубликовать свои американские материалы. «Таким образом, – подводила итог О.И. Лыткина, – Америка в русской картине мира в 19 веке предстает, с одной стороны, фантастической страной, страной приключений, а с другой, страной, находящейся на высшей ступени экономического и политического развития, достойной быть образцом экономического и политического (но не нравственного) развития для других стран» [4. С. 217]. Америка рисовалась новой страной, которой открыто будущее. В славянофильской полемике о старом и новом Америка явно могла стать переходящим в разоблачающую реальность символом новизны и того надвигающегося будущего, которое вызревает в европейской культуре.

По справедливому замечанию М.В. Максимова, «философское и литературное наследие славянофилов занимает выдающееся место в истории русской мысли. Его важность для становления национального самосознания, осмысления исторических судеб России, развития отечественной философии и духовной культуры в целом доказаны продолжающимся уже третье столетие интересом к нему исследователей истории русской философии» [5. С. 140]. Однако славянофильская греза об Америке до сих пор почти не привлекала историков русской мысли. Можно указать, пожалуй, только на публикации В.В. Носкова [6, 7], в которых, к сожалению, не нашлось места взглядам Ламанского.

Источники знаний Ламанского об Америке не очевидны. У него даже нет ссылок на А. де Токвиля, на которого опиралось большинство русских авторов, пишущих о далеком континенте. Тем не менее

его письма И.С. Аксакову отчасти приоткрывают интерес петербургского славянофила к Америке. 11 декабря 1866 г. он замечал своему московскому адресату: «Надо непременно теперь иметь и просить особенно извещать о статьях американских журналов об европейских делах, преимущественно о восточном вопросе» [8. Л. 74 об.]. Как видно, Ламанского здесь интересует не сама американская политика, а ее реакция на европейские дела, в частности, на так называемый восточный вопрос. Ламанский отказался от узкого понимания восточного вопроса как борьбы за черноморские проливы, за выход к Средиземному морю. В его историософском учении восточный вопрос приобретал фундаментальное значение вопроса об установлении пределов двух цивилизационных миров – греко-славянского и романо-германского, противоборство которых на протяжении полутора тысячелетий приводило к конфликтам. Это вопрос о восточной границе романо-германской цивилизации или западной границе Среднего мира [9]. Необходимо заметить, что осенью 1864 г. Ламанский вернулся из длительной заграничной командировки в славянские земли (1862–1864). К этому времени он фактически сформулировал основные положения своей цивилизационной концепции, которые нашли отражение в публикациях 1865–1867 гг., лекциях 1870-х гг. и свое итоговое выражение в позднем трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). По возвращении в Россию Ламанский познакомился с Н.Я. Данилевским, беседы с которым способствовали определению взглядов обоих мыслителей. Не случайно после общения с Ламанским Н.Я. Данилевский начинает писать серию корреспонденций для газеты «День», которые в итоге выросли в книгу «Россия и Европа». Интерес Ламанского к мнению американцев был вызван более широким взглядом русского мыслителя на восточный вопрос. Если американцы, казалось бы, озабоченные своими внутренними проблемами, обращают внимание на восточный вопрос, то это подтверждает его цивилизационное значение.

Еще одно свидетельство обращения Ламанского к Америке встречаем в письме к И.С. Аксакову 23 сентября 1866 г. «Помните, – настаивал петербургский славянофил, – что американцы – вольные, беглые люди Запада, который также их презирает, как некогда Новгород презирал хлыновцев. И на них, и на нас Запад глядит, как на своих холо-

пей» [8. Л. 71]. В своей первой крупной работе, магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) Ламанский отдельное внимание обращал на вольный, бродячий элемент в славянстве, позволивший закрепиться в тех далеко не славянских землях, о которых речь шла в диссертации. Схожий, в том числе, вероятно, и психологически, тип людей отправлялся в Новый Свет. Отношение европейцев к американцам также отчасти типологически совпадало с их отношением к славянам. В этом же произведении Ламанский напоминал «об обязанности русских соединить эклектически хорошие особенности французов и немцев, избегая, разумеется, их недостатков, о необыкновенной широте русской натуры, столь живо сочувствующей всему общечеловеческому, всему прекрасному, и, конечно, тем обязанной тому естественному обстоятельству, что юная Россия, подобно юной Америке и в противоположность старой Европе, не знает прошедшего, им не тяготится и с ним не связана» [10. С. 112].

В последней цитате яснее всего обозначена та метафорика, в смысловой оптике которой славянофилы воспринимали Америку и Россию. Это органическая метафора возраста, согласно которой Россия и Северо-Американские штаты находятся еще на первом этапе жизненного цикла, в то время как европейская культура близится к своему завершению. Полнее всего славянофильский органицизм выразился в концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, профессионального биолога. Н.Я. Данилевский отводил России и Америке в известном смысле близкую роль приходящих на смену Европе исторических сил. По его словам, «...по мере того, как падали <...> старые препятствия к всемирному владычеству Европы, возникли два новых, которые одни только и в состоянии остановить ее на этом пути, положить основание истинному всемирному равновесию. Эти два препятствия: Американские Соединенные штаты и Россия» [11. С. 360]. В письме Ламанского также слышны мотивы, развитые позднее Ф.М. Достоевским в знаменитой «Пушкинской речи», провозглашавшим «всемирность и всечеловечность» русской народности. Надо заметить, что на Пушкинский праздник Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество вместе с Ф.М. Достоевским делегировало О.Ф. Миллера и Ламанского, которые в силу обстоятельств не смогли поехать в Москву.

Ожидаемое угасание Европы неизбежно ставило вопрос о том, кто идет ей на смену. Россия и Америка воспринимались как новые миры, молодые культуры, конкурирующие друг с другом за наследие старой Европы. «Из всего просвещенного человечества, – писал И.В. Киреевский в 1830 г., – два народа не участвуют во всеобщем усыплении: два народа, молодые, свежие, цветут надеждою: это Соединенные Американские Штаты и наше Отечество» [12. С. 78]. Америка все же воспринималась как проекция Европы, как прививка европейской цивилизации к новой девственной стране, и в силу этого она принимала родовые грехи Европы, клонящие ее к увяданию. В этом отношении Россия казалось свободной от той искажающей духовной стихии, которая влечет Европу к неизбежному финалу. Продолжая, И.В. Киреевский писал, что «отдаленность местная и политическая, а более всего односторонность английской образованности Соединенных Штатов всю надежду Европы переносят на Россию» [12. С. 78]. Из рассуждений И.В. Киреевского видно, что Ламанский и Данилевский, как минимум, не были родоначальниками славянофильского органицизма, а как максимум – только развивали уже устоявшееся в России представление об Америке. «В работах и славянофилов, и западников, – отмечают современные исследователи, – историко-философское обоснование получила высказанная в русской публицистике еще в начале XIX века идея молодости двух наций и великой, мессианской судьбы обеих стран. Этой идеи, например, придерживались носители полярных политических и философских взглядов – И.В. Киреевский и Н.И. Тургенев; она сохраняла свою популярность в работах публицистов и литературных критиков на протяжении нескольких последующих десятилетий. При этом одной из центральных в работах и славянофилов, и западников являлась идея технического прогресса и свободы» [13. С. 112]. Рассуждения Ламанского продолжают уже устоявшуюся интерпретацию Америки¹.

Во второй половине 1860-х гг. цивилизационная концепция Ламанского окончательно сложилась, чему способствовала и его вторая заграничная командировка (1868–1869), во время которой он собрал обширный материал по истории Венецианской республики, частично опубликованный полтора десятилетия спустя. История реальной ев-

---

¹ Об органицизме славянофилов, в том числе Ламанского, см.: [14. С. 31–33].

ропейской политики показала Ламанскому не только ее безнравственность, но и пагубность лежащих в ее основе просветительских начал. Архивные материалы и сопровождающие их исследовательские очерки Ламанского, опубликованные в тысячестраничном томе «Государственные тайны Венеции» (1884), стали обличительным документом европейской политики, религии и культуры. По возвращении в Россию он обнаружил в 1870 г. докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (отдельным изданием вышла в 1871 г.), защищенную в 1871 г. на степень доктора славянской филологии. Собственно говоря, диссертация Ламанского была далека от филологии, она была посвящена историографии славистики, а фактически представляла собой исследование истории русофобии и славянофобии в Европе. В топографии исторических сил Ламанский выделял три цивилизационных мира: собственно Европу, Азию и Средний (греко-славянский) мир. Почти не касаясь Азии, он подробно останавливался на взаимных отношениях двух оставшихся миров, в контексте которых возникал и образ Америки. «Мир западно-европейский, – отмечал Ламанский, – называется романо-германским или латино-немецким, иногда католическо-протестантским. В противоположность ему мир восточно-европейский верно назван миром греко-славянским, восточно-христианским. Особенность исторических задач, раздельность, а иногда и совершенная противоположность их интересов еще яснее обличились с того времени, когда решительнее определился самобытный характер Северо-Американской республики и высказалась, при ее срединном положении между старою Европою и Россиею, разность ее отношений к этим двум несхожим между собою мирам» [15. С. 7–8]. Здесь для Ламанского Америка «или вообще романо-германский мир Нового Света» [15. С. 11] благодаря своему «срединному положению» как бы усложняет изначальную конструкцию. Пишу «как бы», потому что на самом деле Ламанский лишь выделяет в романо-германском мире его часть. Обособленный характер Великобритании среди европейских государств, ее многочисленные колонии позволяют обозначить особый англосаксонский мир, распадающийся на Британскую империю и Северо-Американскую республику.

Будущее всего романо-германского мира, полагал Ламанский, принадлежит его англосаксонской части. Вследствие колонизации,

уточнял он, «нынешняя Европа собственно не умалится, но англо-саксонская национальность так вырастет, что центр романо-германского мира перенесется из Европы в другие части света, особенно в Америку и Австралию с Полинезией» [16. С. 35]. В рассуждениях Ламанского не было пророчествования. Он, скорее, повторял уже сложившееся мнение о перемещении центра западного мира в Новый Свет, о чем писали еще, например, А.И. Герцен и И.В. Киреевский. Мысль о России и Америке как мире грядущего неоднократно повторялась современниками Ламанского. Так, близкий славянофилам Н.П. Гиляров-Платонов утверждал в 1885 г., «что будущее принадлежит русскому миру и “англосаксонскому племени”, в частности населяющему Северную Америку» [17. С. 108]. Отличие точки зрения Ламанского состояло в том, что он связывал это перемещение центра западного мира с принципом *Translatio Imperii*, согласно которому Россия является законным преемником имперской идеи, унаследованной от Византии, в то время как в Европе со времени Карла Великого произошла «узурпация империи». Европа так и не смогла в полной мере воплотить в своей политической жизни принципы империи. Более всего в западном мире «римской идее» соответствуют Британская колониальная империя и Соединенные Штаты Америки [18]. В будущем, полагал Ламанский, англосаксы, вероятно, даже из Южной Америки вытеснят испанский и португальский элемент. «В англо-саксонской расе, – писал он, – преимущественно, если даже не единственно, заключается таким образом все главнейшее будущее романо-германской цивилизации. Если англо-саксонский мир вне Европы есть по всей справедливости мир полный безграничных надежд и чаяний, мир юности и громадного будущего, то романо-германский мир Старого Света есть мир по преимуществу настоящего, мир зрелого мужества, что с удовольствием созерцает свое славное прошлое и наслаждается наличным могуществом» [16. С. 38]. С другой стороны, продолжал он, «мир греко-славянский <...> часто называют наравне с англо-саксонским миром Нового Света миром будущего по преимуществу, или быть может правильное назван миром более или менее горького и неприглядного настоящего, исполненного, однако, надежд, чаяний и упований, далеко не безосновательных» [16. С. 71].

С переносом центра западной цивилизации в Северную Америку Ламанский связывал ослабление того векового антагонизма, который

определял политические, религиозные и культурные отношения греко-славянского мира и Европы. Америка, т.е. «далекий запад, который не имеет уже никаких причин и поводов к враждебным столкновениям с нашим миром и может еще, со временем, сделаться его союзником», – полагал он [15. С. 23]. С Америкой, ставшей лидером западного мира, может измениться вектор развития и уйти в прошлое та напряженность и конфликтность, которые существовали между Европой и Россией на протяжении длительного времени. «Как бы то ни было, – писал Ламанский, – только новейшая культурная и политическая история христиано-арийского человечества уже совершается и все далее будет развиваться не на одном Азийско-Европейском материке, но и в Америке, и вообще на всем земном шаре. С умножением романо-германского народонаселения в Америке, Австралии и Африке путем естественного размножения и усилением эмиграции из Европы, – это желанное для греко-славянского мира перемещение центра тяжести романо-германского мира произойдет само собою в несколько десятков лет» [15. С. 29]. Европа, конечно, сохранится, но утратит свое значение в мировой политике и культуре. Рассуждая по аналогии, Ламанский считал, что основная часть Европы или «пруско-романский полуостров» будет иметь для России то же значение, какое Швеция имела для России времен Петра I, т.е. будет «наставницей и учительницей», а для Америки она имеет то же значение, что Малая Азия для Древней Греции.

Однако он допускал и противодействие со стороны Европы, не желающей мириться с утратой своего господствующего положения, а в этом противодействии видел залог сближения России с Америкой. «В том, что Европа еще сильна и без сопротивления не уступит Америке своего первенства, в том заключается самое верное ручательство искренности прочности русских симпатий у Америки, для которой, как мы увидим, в высшей степени важно, чтобы Восточный вопрос благополучно разрешился не в пользу Европы, а в пользу греко-славянского мира» [15. С. 140, примеч.]. В период франко-прусской войны петербургский славянофил ласкал себя иллюзией общности интересов Америки и России. «Падение и унижение Франции страшно ослабит Европу в пользу Америки и России», – предвкушал он [15. С. 251]. Ослабление же Европы выгодно России и Америке,

поскольку ведет к их усилению. «В этом отношении, – писал петербургский славянофил, – так страшно ослабляя Францию, Германия трудится не столько для собственного усиления, сколько для ослабления Европы вообще и для усиления России и Америки в особенности, ибо Германия может быть только сильна в Европе и в Европе сильной. С ослаблением же Франции слабеет вся Европа, теряя свой вес в пользу России и Америки, интересы коих далеко не тождественны с интересами европейскими. В этом отношении нынешняя война (Франко-прусская война. – А.М.) не только ошибка, а просто безумие со стороны европейцев» [15. С. 292].

Впрочем, замечал Ламанский, история показывает, что ни одно усиление не бывает вечным. На смену одному доминирующему центру приходит другой. Народ, уповающий только на материальную силу, неизбежно эту силу утрачивает. «История человечества, – уточнял он, – не представляет примера силы, которая бы наконец не разбилась об силу, еще более сильную, примера величия, которому бы не было суждено в конце концов умалиться и преклониться перед другим высшим величием. Сила и величие народов и государств в политике, в науках и искусствах, в промышленности и торговле носят в себе зародыши падения и слабости. Сила и величие приводят людей и народы к гордости, самомнению и самодовольству – *Bethörung bis zum Selbstgefallen*, к умственному и нравственному огрублению, к ослаблению логики и внутреннего чувства правды» [15. С. 294–295]. Перспективы умаления Америки он видел, в частности, в возможности отторжения от нее мятежных штатов и «образования Мексиканской империи».

Однако причины ослабления Америки могут лежать и глубже, т.е. не только в поражении от более сильного противника. Условиями формирования цивилизации или самобытной культуры Ламанский считал сильное государство и развитый литературный язык, который является показателем творческой мощи культуры и возможностей ее смыслового доминирования. Производящей, творящей основой культуры выступает народ. Америка же лишена народной почвы. Сбродный характер населения Северной Америки не позволяет сформироваться народности. Для этого Америка должна сначала замкнуться в себе, сосредоточиться на своих делах, остановить поток мигрантов, чтобы позволить в течение нескольких поколений сформироваться

единой народности, а затем уже при удачном стечении обстоятельств может заявить о себе и оригинальная американская культура. Пока же американцы не могут похвастаться особыми успехами в литературе или культуре. Как пишет О.В. Саприкина, «основное условие развития науки, искусства, образования Ламанский видел в национальности этих процессов, вырастающей из их народности. Мировая история искусств, подчеркивал он, раскрывает теснейшую общность народного и личного художественного творчества» [19. С. 261]. Говорить о такой народности в Америке пока не приходится. Стоит отметить, что М.П. Погодин и близкий Ламанскому Н.Я. Данилевский положительно оценивали доктрину Монро, провозгласившую «Америку для американцев». В этом отношении они ставили Америку в пример, полагая, что и России следует также сосредоточиться на своих интересах.

Рассуждения Ламанского об Америке можно отнести, скорее, к исторической имагологии. Формируя ментальный образ Северо-Американских штатов как своеобразной историософской конструкции, он использует его для цивилизационной самоидентификации России или более широкой общности греко-славянского мира на фоне мира романо-германского. Америка не входила в сферу профессиональных интересов петербургского славянофила, он никогда не покидал пределов Европы, не водил знакомства с американцами, поэтому даваемые им оценки и характеристики оставались плодом его утопических импровизаций, продиктованных уже сложившейся концептуальной схемой противостояния двух миров. При этом Ламанский воспроизводил уже сложившиеся в русском обществе стереотипы об Америке как чисто материальной цивилизации, в которой социальными добродетелями становятся эгоизм и стремление к наживе. К этим стереотипам примыкает и убеждение о низком духовном (нравственном) уровне населения Америки и его малой творческой плодотворности, не имеющей опоры в народности.

С подачи А.Н. Пыпина за Ламанским закрепились характеристика культурного панслависта. Он действительно видел главным фактором сближения славян принятие русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического. По словам современного исследователя, уже в ранних работах (конца 1850-х гг.) Ламанский «отрицает в отношениях между Россией и славянскими народами

консолидацию европейско-имперского типа. И при этом отстаивает историко-культурное разнообразие славянского мира. <...> То есть подлинный, настоящий славизм, с точки зрения раннего Ламанского, предполагает не внешнее, политическое объединение, а духовно-культурное, “внутреннее”, которое позволяет сохранить и развить национальное, этническое разнообразие объединенного мира» [20. С. 98]. Даже позднее (в конце 1880-х гг.), разочаровавшись в перспективах панславизма, Ламанский не отказался от объединяющей роли русского языка, который должен стать внутренней скрепой греко-славянского мира. Единство греко-славянского мира должно опираться на духовные силы (язык и культуру). Америка же остается примером только внешнего единства. В этом состоит главное расхождение двух миров будущего, воплощающих как бы две программы цивилизационного развития. В 1870 г., когда Ламанский частями печатал в журнале «Заря» свою докторскую диссертацию, Ф.И. Тютчев в стихотворении «Две силы» выразил эту мысль в поэтических строках:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней...

Список источников

1. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М. : Московский рабочий, 1993. С. 19–118.
2. Малинов А.В. В.И. Ламанский и истоки «русского византизма» // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 100. С. 67–87. doi: 10.15382/sturI2022100.67-87
3. Фетисенко О.Л. Ольга Алексеевна Новикова как собеседница И.С. Аксакова и К.Н. Леонтьева // Философский полилог. 2023. № 1. С. 106–117. doi: 10.31119/phlog.2023.1.193
4. Лыткина О.И. Образ Америки в русской языковой картине мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 4 (67). С. 215–219.
5. Максимов М.В. Славянофильская проблематика в публикациях журнала «Соловьевские исследования» // Философский полилог. 2023. № 1. С. 139–154. doi: 10.31119/phlog.2023.1.197
6. Носков В.В. Образ Америки в русской философии истории // Россия в контексте мировой истории : сборник статей. СПб. : Наука, 2002. С. 309–325.

7. Носков В.В. «Нет, свобода не там»: славянофильский образ Америки // Американский ежегодник. 2003. М. : Наука, 2005. С. 251–270.
8. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.
9. Малинов А.В. Восточный вопрос в политико-географическом учении В.И. Ламанского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, вып. 4. С. 594–611. doi: 10.21638/spbu17.2022.413
10. Ламанский В.И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб. : В типографии Императорской академии наук, 1859. 229 с.
11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб. : Глаголь; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. 513 с.
12. Киреевский И.В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М. : Искусство, 1979. С. 55–78.
13. Арустамова А.А., Кондаков Б.В. Константа «Америка» в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5 (11). С. 111–120.
14. Смирнов В.Н. Метафора органического в славянофильстве // Философский полилог. 2023. № 1. С. 23–35. doi: 10.31119/phlog.2023.1.187
15. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб. : Тип. Майкова, 1871. 316 с.
16. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб. : Типохромо-литография А. Траншеля, 1892. 132 с.
17. Дмитриев А.П. К специфике славянофильской позиции Н.П. Гилярова-Платонова (Письмо к О.А. Новиковой о России и Англии) // Соловьевские исследования. 2019. № 1. С. 104–112.
18. Малинов А.В. «Римская идея» в цивилизационной концепции В.И. Ламанского // Вопросы философии. 2023. № 2. С. 155–166. doi: 10.21146/0042-8744-2023-2-155-166
19. Саприкина О.В. Трактовка славянской идеи В.И. Ламанским на страницах Журнала Министерства народного просвещения // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 18 (61). С. 258–269.
20. Селиверстов С.В. «Истинный славизм» раннего В.И. Ламанского и полемика с позицией А.С. Пушкина (конец 1850-х годов) // Славяноведение. 2021. № 3. С. 94–103. doi: 10.31857/S0869544X0015005-8

References

1. Leont'ev, K.N. (1993) Vizantizm i Slavyanstvo [Byzantium and Slavdom]. In: *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. pp. 19–118.
2. Malinov, A.V. (2022) Lamansky and the Origins of “Russian Byzantinism”. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 100. pp. 67–87. (In Russian). doi: 10.15382/sturI2022100.67-87

3. Fetisenko, O.L. (2023) Olga Alekseevna Novikova as an Interlocutor of I.S. Aksakov and K.N. Leontiev. *Filosofskiy polilog*. 1. pp. 106–117. (In Russian). doi: 10.31119/phlog.2023.1.193
4. Lytkina, O.I. (2009) *Obraz Ameriki v russkoy yazykovoy kartine mira [he Image of America in the Russian Linguistic Picture of the World]*. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 4 (67). pp. 215–219.
5. Maksimov, M.V. (2023) Slavophilic Problematics in the Publications of the Journal “Soloviev Studies”. *Filosofskiy polilog*. 1. pp. 139–154. (In Russian). doi: 10.31119/phlog.2023.1.197
6. Noskov, V.V. (2002) *Obraz Ameriki v russkoy filosofii istorii [The Image of America in Russian Philosophy of History]*. In: Fursenko, A.A. (ed.) *Rossiya v kontekste mirovoy istorii. Sbornik statey [Russia in the Context of World History. Collection of Articles]*. St. Petersburg: Nauka. pp. 309–325.
7. Noskov, V.V. (2005) “Net, svoboda ne tam”: slavyanofil'skiy obraz Ameriki [“No, freedom is not there”: the Slavophile image of America]. In: *Amerikanskiy ezhegodnik. 2003 [American Yearbook. 2003]*. Moscow: Nauka. pp. 251–270.
8. St. Petersburg Branch of the RAS Archive. Fund 35. List 1. Item 1.
9. Malinov, A.V. (2022) Eastern question in political and geographical teaching of V.I. Lamanskiy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 38 (4). pp. 594–611. (In Russian). doi: 10.21638/spbu17.2022.413
10. Lamanskiy, V.I. (1859) *Istoricheskie zamechaniya k sochineniyu “O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii”* [Historical remarks on the essay “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain”]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
11. Danilevskiy, N.Ya. (1995) *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. St. Petersburg: Glagol”; St Petersburg University.
12. Kireyevskiy, I.V. (1979) *Obozrenie russkoy slovesnosti 1829 goda [Review of Russian literature of 1829]*. In: Kireyevskiy, I.V. *Kritika i estetika [Criticism and aesthetics]*. Moscow: Iskusstvo. pp. 55–78.
13. Arustamova, A.A. & Kondakov, B.V. (2010) Konstanta “Amerika” v russkoy literature XIX veka [The constant “America” in Russian literature of the 19th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 5 (11). pp. 111–120.
14. Smirnov, V.N. (2023) *Metafora organicheskogo v slavyanofil'stve [Metaphor of the Organic in Slavophilism]*. *Filosofskiy polilog*. 1. pp. 23–35. doi: 10.31119/phlog.2023.1.187
15. Lamanskiy, V.I. (1871) *Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope [On the Study of the Greco-Slavic World in Europe]*. St. Petersburg: tip. Maykova, 316 s.
16. Lamanskiy, V.I. (1892) *Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika [Three Worlds of the Asian-European Continent]*. St. Petersburg: Tipo-khromo-litografiya A. Transhelya.
17. Dmitriev, A.P. (2019) *K spetsifike slavyanofil'skoy pozitsii N.P. Gilyarova-Platonova (Pis'mo k O.A. Novikovoy o Rossii i Anglii) [On the Specifics of the*

Slavophile Position of N.P. Gilyarov-Platonov (Letter to O.A. Novikova about Russia and England)]. *Solov'evskie issledovaniya*. 1. pp. 104–112.

18. Malinov, A.V. (2023) The “Roman Idea” in V.I. Lamansky’s Civilization Concept. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 155–166. (In Russian). doi: 10.21146/0042-8744-2023-2-155-166

19. Saprikina, O.V. (2010) Traktovka slavyanskoj idei V.I. Lamanskim na stranitsakh Zhurnala ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Interpretation of the Slavic Idea by V.I. Lamansky on the Pages of the Journal of the Ministry of Public Education]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 18 (61). pp. 258–269.

20. Seliverstov, S.V. (2021) “True Slavism” of young V. I. Lamansky and the polemics with A. S. Pushkin (late 1850s). *Slavyanovedenie*. 3. pp. 94–103. (In Russian). doi: 10.31857/S0869544X0015005-8

Информация об авторе:

Малинов А.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории критической теории культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Malinov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, St Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation); leading researcher, HSE University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.v.malinov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 19.07.2024.

The article was accepted for publication 19.07.2024.